

ИНТЕРЛИНГВИСТИКА И МИР

ВЛНМ

1-2/2002

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

РОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2002

Ежеквартальное издание

№ 1/2

Издается с 2001 г.

□ 23

Научный Совет по региональным проблемам перехода к устойчивому развитию

5025

при Администрации Ивановской области

Ивановский государственный университет

Межвузовский Центр "Политическая культура интеллигенции,
ее место и роль в истории Отечества"

Научно-исследовательский институт интеллигентоведения

Редакционный совет:

В.С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета),
А.И. Аврус, Саратовский государственный университет, **Амвросий**, Архиепископ Иваново-Вознесенский и Кинешемский, **В.Р. Веселов**, Костромской государственный университет, **В.С. Волков**, Государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, **Ю.М. Воронов**, Ивановская государственная архитектурно-строительная академия (заместитель председателя Редакционного совета), **М.Е. Главацкий**, Уральский государственный университет, **В.Н. Егоров**, Ивановский государственный университет, **В.Т. Ермаков**, Институт российской истории РАН, **А.В. Квакин**, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, **В.Л. Соскин**, Сибирское отделение ИРИ РАН, **Талгат Таджуддин**, Центральное Духовное Управление мусульман России и Европейских стран СНГ, **В.И. Тихонов**, губернатор Ивановской области, **С.А. Филятов**, Конгресс интеллигенции Российской Федерации, **Р.Г. Яновский**, Институт социально-политических исследований РАН

Редакционная коллегия:

В.С. Меметов (главный редактор),
Ю.М. Воронов (заместитель главного редактора), **В.П. Раков**
(заместитель главного редактора), **С.С. Садина**, **В.В. Селезнев**,
Г.С. Смирнов, **Н.Г. Юркин** (ответственный секретарь)

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39

Факс: (0932) 32-66-00

E-mail:

memetov@ivanovo.ac.ru

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

Перепечатка без разрешения редакции журнала "Интеллигенция и мир" не допускается.

ISBN 5-7807-0296-9

Над номером работали:

Директор издательства *Л.В. Михеева*

Технический редактор *И.С. Сибирёва*

Компьютерная верстка *Н.Г. Юркин*

© Межвузовский Центр проблем
российской интеллигенции, 2002

© Издательство «Ивановский
государственный университет», 2002

РОС. НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
С.Петербург
09 2002 г. 646

В НОМЕРЕ

<i>Соскин В.Л.</i> Ученые, революция, власть.....	3
<i>Золотарев О.В.</i> Российская интеллигенция: вступая в новый век.....	14
<i>Квакин А.В.</i> Менталитет и история российской интеллигенции.....	20
<i>Рыженко В.Г.</i> Методологическое и методическое наследие «золотого десятилетия» и современность.....	24
<i>Диденко Д.В.</i> Полемика вокруг сборника «Вехи» как явление общественной жизни России 1909 – 1912 гг.	31
<i>Костяев Э.В.</i> Отношение Временного правительства к первой мировой войне в оценке Г.В. Плеханова.....	42
<i>Данилов А.А.</i> Интеллигенция российской провинции: некоторые вопросы историографии.....	48
<i>Капустин Н.В.</i> «Пишу об “умном” и не боюсь» (К вопросу «А.П. Чехов и интеллигенция»).....	51
<i>Фролкин П.П., Платонова Т.В.</i> Дворянские усадьбы как «культурные гнезда» русской провинции первой половины XIX века (На материалах Саратовской губернии).....	56

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ

<i>Кузнецова Е.И.</i> Государственная политика в отношении профессионально-художественной интеллигенции в начале 50-х – первой половине 80-х годов: Историко-графический очерк.....	64
---	----

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

<i>Черников М.В.</i> Проблема соотношения сущего и должного в сознании русской интеллигенции на рубеже XIX – XX века.....	70
---	----

ИСТОРИЯ. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ЛИЦАХ

<i>Кочуков С.А.</i> Министр народного просвещения П.С. Ванновский: попытка реформ общеобразовательной школы.....	81
<i>Степанов Ю.Г.</i> К.П. Победоносцев: непризнанный пророк?.....	84

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Аврус А.И.</i> Дюжина высокой пробы (Размышления по поводу 4-летия журнала «Клио»).....	89
--	----

ДЕБЮТ

<i>Чугунова Т.В.</i> Формирование российской интеллигенции и классическое гуманитарное образование: К постановке проблемы.....	91
--	----

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

<i>Соколова Ф.Х.</i> Размышления об интеллигенции... (Глазами участника дискуссии).....	96
<i>Поспелова Н.И.</i> Интеллектуальная элита России на рубеже XIX – XX вв.: Послесловие к конференции.....	98
Защита диссертаций.....	101

ЧИТАТЕЛИ О ПЕРВЫХ НОМЕРАХ ЖУРНАЛА «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР»

«... такое предприятие – почти подвиг».....	104
---	-----

- конференции. Ассоциации «История и компьютер». М., 2001. С. 110-133.
- ¹² Масапов И.Ф. Словарь псевдонимов. 2-е изд.: В 4 т. М., 1956-1958.
- ¹³ Данные о тиражах и других параметрах изданий см.: Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал (к. XIX в. - 1914 г.) М., 1984; Махонина С.Я. Русская дореволюционная печать (1905-1914). М., 1991; Она же. Русская легальная журналистика XX в. (1905 - февраль 1917). Опыт системного анализа // Из истории русской журналистики начала XX в. М., 1984. С. 5-49.
- ¹⁴ См.: Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 гг. М., 1981. С. 8, 36-37, 48-51, 60-63, 78, 96-98.
- ¹⁵ См.: Летенков Э.В. Печать и капитализм в России конца XIX - начала XX вв. (Экономические и социальные аспекты капитализации печати). Дис... д-ра ист. наук. Л., 1988. С. 89.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 539. Оп. 1. Ед.хр. 1155. Л. 3-5, 46; Ед.хр. 1166. Л. 39 об. - 40.
- ¹⁷ Там же. Ед.хр. 1158. Л. 9-16 об., 20 об.-21.
- ¹⁸ Там же. Л. 31 об.-32.
- ¹⁹ РГАЛИ. Ф. 2176. Оп. 1. Ед.хр. 37. Л. 10, 37.
- ²⁰ Там же. Л. 9-10, 34-35.
- ²¹ Там же. Л. 11.
- ²² См.: Боханов А.Н. Указ. соч.; Летенков Э.В. Указ. соч.; Махонина С.Я. Русская дореволюционная печать; Она же. Русская легальная журналистика XX в.
- ²³ Для установления принадлежности авторов публикаций к определенной политической партии автор, в частности, использовал справочник: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в.: Энциклопедия / Под ред. В.В. Шелохаева. М., 1996.
- ²⁴ Трофимов А.И. Материалистическое понимание истории. Что такое интеллигенция (На основе закона технической ренты). М., 1912; Он же. Техническая рента как источник прибыли (К кризису интеллигенции). М., 1909.

Э.В. Костяев

ОТНОШЕНИЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА К ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В ОЦЕНКЕ Г.В. ПЛЕХАНОВА

Проблема взаимоотношений интеллигенции и власти поистине неисчерпаема. Когда в современной исторической литературе так или иначе затрагивается тема «Плеханов и Временное правительство», то пишется, в основном, о том, как Г. В. Плеханов, один из наиболее ярких и выдающихся представителей социал-демократической интеллигенции, не раз мог войти, но в конечном итоге не вошел во власть в качестве министра труда или торговли и промышленности, о проповедовании им коалиционного принципа устройства исполнительной власти в России в период революций 1917 г. и т. д. При этом не дается вообще или дается очень скудная информация об его оценках отношения Временного правительства к Мировой войне¹, между тем как в плехановской публицистике таких оценок предостаточно. Попытка восполнения данного пробела – главная задача этой статьи.

Надо сказать, что судьба оказалась к Георгию Валентиновичу благосклонной – от хождения во власть она его несколько раз уберегла. Благосклонной потому, что традиционно власть в России крайне редко являлась, особенно в XX веке, выразителем народной воли, значительно чаще она носила антинародный характер. Представить же Плеханова, принимающего в министерском кресле те или иные непопулярные меры (без которых трудно было бы обой-

тись в ту эпоху военной разрухи и революционных катаклизмов) в отношении того самого народа, достижению блага которого он отдал всю свою сознательную жизнь, крайне затруднительно.

Причины того, что основатель российской социал-демократии оказался за бортом различных властных структур революционной России, где представители этой самой социал-демократии играли не последнюю роль, были разные. В их числе стоит упомянуть и нежелание тогдашнего руководства Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, а также меньшевистской партии видеть в правительстве в качестве своего представителя человека, резко критиковавшего их половинчатую «революционно-оборонческую» политику в отношении мировой войны. В заявлении Бюро ЦК Всероссийской социал-демократической организации «Единство», опубликованном в «Бюллетене № 1» от 6 августа 1917 г., говорилось по этому поводу: «Циммервальдисты, руководящие в Советах ... предпочитают в министерстве 10 “буржуев” одному Плеханову»².

Но главным все же было не слишком большое стремление самого Георгия Валентиновича подвергнуть себя испытанию властью. Еще 22 марта 1917 г. он написал своему единомышленнику Алексею Любимову следующее: «Я получил известие, что временное прави-

тельство хочет предложить мне *Министерство труда*. Я убежден, что мне *не следует* принимать это предложение: оно ослабит мое влияние на рабочий класс»³. Во-первых, Плеханов с его аналитическим умом и огромной эрудицией не мог не понимать, что принятие портфеля министра труда или торговли и промышленности в разоренной войной стране с разрушенной промышленностью⁴ означало бы не что иное, как политическое самоубийство, потерю своего влияния в пролетарской среде. Во-вторых, нельзя не учитывать тот факт, что обладавший более чем независимым характером отец российского марксизма, в течение десятилетий находившийся на руководящих ролях в народнических и марксистских организациях, не был создан для подчинения кому бы то ни было. В 1917 г. 60-летнему Плеханову поздно уже было привыкать к исполнению где бы то ни было, пусть даже и в правительстве, второстепенных ролей, подчиняясь при этом людям, которые во всех отношениях (по возрасту, стажу революционной борьбы, теоретическому багажу и т. д.) значительно ему уступали. Л. Дейч, писавший, что после возвращения на Родину Георгий Валентинович, «не исключая главы Временного правительства, являлся наиболее всех популярным человеком в России, не только среди пролетариата, но также и всех сколь-нибудь демократически настроенных слоев населения всей страны», а также что «разнообразные слои страны готовы были передать в его руки власть над страной, в глубокой уверенности, что лишь он один сумеет направить разбушевавшуюся стихию в надлежащее русло»⁵, конечно же, значительно приукрашивал действительное положение дел. Но в одном Лев Григорьевич был прав: если Плеханов был достоин чести вхождения в правительство революционной России, то только в качестве его главы.

Этого, как известно, не произошло, но, тем не менее, Г. Плеханов почти на всем протяжении существования Временного правительства находился в числе его преданных сторонников. «Мы все должны, – писал Георгий Валентинович в № 16 «Единства» 17 апреля 1917 г., – <...> дружно сплотиться вокруг нашего Временного Правительства, программа которого широко и ярко выражает ближайшие и самые насущные интересы всей демократической России»⁶. Плеханов являлся также одним из наиболее последовательных сторонников образования весной 1917 г. сильного, способного предотвратить всякую возможность анархии, облеченного полным доверием народа, коалиционного правительства революционной демократии со всеми живыми силами страны, под кото-

рыми он понимал те общественные классы и слои, которые не стремились к восстановлению в России монархии⁷. Рассуждая в статье «Отечество в опасности», опубликованной в газете «Единство» от 2 мая 1917 г., о мерах, способных остановить гибельный процесс утраты страной силы ее военного сопротивления внешнему врагу, одной из главных таких мер Г. Плеханов называл повышение авторитета представителей высшего командного состава армии путем передачи им из рук Петросовета всей военной власти. Лучшим средством для этого было бы, по его мнению, «составление коалиционного министерства, в которое вошли бы представители трудящейся массы». Однако в момент написания Георгием Валентиновичем указанной статьи для этого существовало серьезное препятствие – решение Исполкома Петроградского Совета от 28 апреля о нецелесообразности составления коалиционного правительства. «Пока останется в силе это решение, – писал Плеханов, – будет продолжаться сказка о белом бычке, и наша военная мощь будет равняться нулю к величайшей радости подданных Вильгельма II и наших собственных пораженцев»⁸.

К большому удовольствию руководителя группы «Единство», уже 1 мая Исполком Петросовета изменил свое решение трехдневной давности на противоположное, а 5 мая в результате этого было образовано 1-е коалиционное Временное правительство. В статье «Декларация нового правительства» из № 33 «Единства» от 7 мая Плеханов воскликнул по этому поводу: «Свершилось!» и, разобрав по пунктам декларацию новой исполнительной власти от 6 мая, в целом, за исключением некоторых несущественных замечаний, ее одобрил⁹. Это было вполне естественной реакцией настоящего патриота-оборонца, ведь в указанном документе, среди прочего, нашлось место таким словам: «Укрепление начал демократической армии, организация и укрепление боевой силы ее как в оборонительных, так и в наступательных действиях, будут являться главнейшей задачей Временного правительства»¹⁰. Особое одобрение Г. Плеханова вызывала тогда деятельность новоиспеченного военного и морского министра. Имея, очевидно, в виду жесткие приказы А. Керенского по армии и флоту от 6 и 11 мая, направленные против дезертиров и на расширение прав военачальников¹¹, Георгий Валентинович в № 45 «Единства» 21 мая написал: «Мы решительно и горячо одобряем его за деятельность, развитую им по части организации армии»¹². Одобрение плехановской группой «Единство» отношения Керенского и его еди-

номышленников к войне нашло также отражение в резолюции «О социалистах-революционерах» Совещания делегатов этой организации, состоявшегося 20–24 июля 1917 г. Течение в партии эсеров, «представляемое товарищами Керенским и Брешко-Брешковской и оборонческой литературной группой “Воля Народа”, – говорилось в документе, – в общем и целом занимает в вопросе о войне совершенно правильную позицию» и поэтому совместная работа с этим течением «на почве национальной обороны вполне возможна и желательна...»¹³.

Особые энтузиазм и поддержку у «единцев» вызвало упоминание в декларации 6 мая о необходимости ведения российской армией наступательных действий, а также колоссальные практические усилия Керенского в мае – июне по их организации. О том, что наступление является необходимым условием ведения оборонительной войны, Плеханов писал еще в апреле 1917 г.¹⁴ Но более решительно и определенно на необходимость наступательных действий он указал именно после появления на свет декларации 1-го коалиционного правительства. «Война, – с переходом в наступление, – необходима теперь именно прежде всего в интересах мира»¹⁵ – говорилось в статье «Декларация нового правительства». Начавшееся 18 июня наступление наших армий на Западном и Юго-Западном фронтах вызвало неопиcуемый восторг Г. Плеханова. Лишь только 19 июня известие об этом событии распространилось по Петрограду, на Невском проспекте образовалась большая патриотическая манифестация (меньшевик Николай Суханов писал, что она была окружена «сотней–двумя разных господ»¹⁶), направившаяся на Казанскую площадь, где перед нею с речью выступил Плеханов. «Граждане!, – говорил он. – Если я вас спрошу, какой сегодня день, вы скажете, что понедельник. Но это ошибка: сегодня воскресенье <...> для нашей страны и для демократий всего мира. Россия, сбросившая иго царизма, решила сбросить иго неприятеля. Было бы несмыслаемым позором для революционной русской армии, если бы она не нашла в себе силы и мужества отбросить врага»¹⁷.

Поначалу наступление развивалось довольно успешно, – вражеский фронт был прорван, захватывались пленные и трофеи, на различных участках наши войска продвигались вперед в течение двух недель, к концу июня был взят Галич и, таким образом, открыты пути ко Львову. Надо ли говорить о том, с какой искренней радостью Г. Плеханов писал 27 июня в № 75 «Единства», что «наступление совершилось с весьма значительным успехом...»¹⁸. Од-

нако продлиться этой радости суждено было недолго. Закончилось наступление полным провалом, на который, к сожалению, было изначально обречено. Современный военный историк Г. Ипполитов пишет по этому поводу, что наши войска «не могли не проиграть летнего наступления, ибо представляли из себя в тот момент не войсковые части и соединения, а толпу людей при оружии, в которую их превратили исторические реалии года 1917-го, года революционного»¹⁹. Являясь фактически откровенной военно-политической авантюрой Временного правительства, предпринятой, под давлением союзников по Антанте, с целью извлечения больше внутри, нежели внешнеполитических дивидендов, наступление не было надлежащим образом подготовлено ни технически, ни морально. Вспоминая о громадном впечатлении от многочисленных «технических недочетов» позиций, подготовленных для наступления наших войск, его участник, один из лидеров трудовиков и энесов (до начала 1918 г.) Владимир Станкевич писал, что «наступление было организовано ниже всякой критики». Что уж говорить о моральном состоянии, «духе войск», предназначенных для наступательных действий? Например, в один из первых дней наступления лучший в 11-й армии Юго-Западного фронта 1-й гвардейский корпус, получив приказ двинуться к позиции, отказался подчиниться ему и остался на своем месте²⁰. 26 июня во время посещения 703-го Сурамского пехотного полка 10-й армии Западного фронта члены Исполкома Петросовета Вербо, Розенберг и Ястребов были избиты солдатами за призыв к наступлению²¹. Примеры такого рода можно было бы и умножить.

Российский генерал, а затем историк 1-й Мировой войны Н. Головин в своей диссертации на звание экстраординарного профессора Императорской Николаевской военной академии «Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца» высказал в 1907 г. мысль о том, какое огромное значение имеет «стремление бойца к победе, его сочувствие политической, религиозной или экономической идее войны...» Все решительные и победоносные войны, подчеркивал он, «имели в основе идею, которая близка была сердцу бойца»²². Все перечисленные качества у российского солдата в 1917 г. отсутствовали. Главная причина поражения российской армии в ходе июньского наступления 1917 г., считает Г. Ипполитов, «кроется в морально-психологическом состоянии личного состава войск: разложенная армия не хотела воевать за чуждые ей интересы»²³. Было совершенно

ясно, что армия, из которой, по подсчетам Головина в его работе «Военные усилия России в Мировой войне» (Париж, 1939), после Февральской революции ежемесячно дезертировало около 31-й тысячи человек²⁴, стремилась к чему угодно, только не к победе над внешним врагом в результате преданности каким-либо идеям этой войны. В одной из своих бесед с эсером Борисом Савинковым В. Станкевич сказал, что ему в ходе июньского наступления «стало ясно, что масса солдат, а, может быть, и офицерства не понимает смысла войны или, во всяком случае, наступления»²⁵. При таком положении дел наивно было бы ждать успеха от задуманных операций. С сожалением приходится признать правоту Н. Суханова, писавшего о ясности для многих трезво смотревших на положение нашей армии весной–летом 1917 г. людей, что она «при данном объективном положении, при ее субъективном настроении не могла быть орудием победы против тогдашней Германии»²⁶.

Гневу и глубокому разочарованию Плеханова в провале июньского наступления не было пределов. «То, чего мы боялись, то, что мы предсказывали... совершилось, – писал он в № 86 «Единства» 11 июля. – Армия, развращенная неустанной пропагандой диких понятий о войне и о дисциплине, оказалась <...> в некоторых своих частях утратившей свою боеспособность. Солдаты бросают ружья и бегут, порою даже раньше, чем на них нападает неприятель. <...> Россия, так недавно освободившаяся от царского гнета, подвергается страшной опасности утратить свою свободу. Торжество Вильгельма II было бы равносильно гибели русской революции. Оно принесло бы нам более или менее <...> полное восстановление старого порядка». Выход из создавшегося положения Георгий Валентинович усматривал в прекращении всех внутренних раздоров, кроме раздора с лидером большевиков В. Лениным, антивоенная деятельность которого, по убеждению Г. Плеханова, привела к неудаче наступления 18 июня, ради отражения «вражеского нападения» путем создания «правительства народной самообороны». «Пора положить конец существованию министерств без министров и министров без министерств! – восклицал он. – Пора составить правительство коалиционное по своей природе, а не только по имени. Горе тем, которые так или иначе помешают его возникновению. Страна никогда не простит им их ошибки, чем бы ни были они вызваны: злой волей, малодушием, предательством или... беспросветным доктринерством»²⁷. К сказанному следует добавить, что

случившееся на Юго-Западном и Западном фронтах, помимо прочего, значительно понизило авторитет оборонческого течения в среде российских социалистов, представители которого несли свою долю ответственности за фиаско активно пропагандировавшегося ими наступления. Естественно, этим не упустили возможность воспользоваться политические противники интернационалистов-оборонцев.

Содержание цитированной выше статьи «Совершилось» от 11 июля 1917 г. указывало на то, что к концу своего существования 1-е коалиционное правительство уже не во всем устраивало Плеханова. Еще в опубликованной 18 июня в № 68 «Единства» статье «Революционная демократия должна поддержать свое Правительство» он указывал, что ни Временное правительство вообще, ни министр труда Скобелев, в частности, воплощением разума ему не представляются. «Я знаю, – писал далее Георгий Валентинович, – что наши правители сделали немало ошибок и во внутренней, и <...> во внешней политике. Их стремление заставить наших союзников перейти на точку зрения Циммервальдской секты заслуживает строгого порицания». Но к каким-либо радикальным решениям Плеханов не призывал. Для того, чтобы «спасти свободу, чтобы упрочить дело революции, чтобы справиться с анархией, с одной стороны, и контрреволюцией – с другой, – полагал он, – революционная демократия должна дружно поддержать свое правительство, чего бы это ей ни стоило!»²⁸.

Довольно резкого осуждения со стороны Г. Плеханова удостоился выход кадетов Мануйлова, Некрасова, Степанова, Шаховского и Шингарева из 1-го коалиционного министерства в знак протеста против принятия 2 июля 1917 г. «Декларации Временного правительства к Украинской Раде», фактически означавшего предоставление Украине автономии. В статье «Две недели на размышление» из № 83 «Единства» от 7 июля он писал о «грехе» кадетов, заключавшемся в том, что подобный демарш их партии увеличил шансы победы ленинской тактики, явившись дополнительным доводом в пользу требования большевиков о необходимости передачи всей власти в руки Советов. Победа ленинцев, по убеждению Георгия Валентиновича, «не замедлила бы принести нам экономическое банкротство *внутри* и самое жестокое поражение на всех *театрах военных действий*. Этого было бы совершенно достаточно для того, чтобы <...> надолго обеспечить торжество контрреволюции...»²⁹.

Образование нового правительства во главе с Керенским, появившегося на свет «под

знаком спасения родины и революции от внешнего врага и его внутренних союзников», Г. Плеханов приветствовал. «Преступлением против революции было бы не только восставать против него, но и воздвигать перед ним хотя бы самомалейшие препятствия», — писал он в статье «Новое министерство», опубликованной 9 июля в № 85 «Единства». Однако на этот раз Георгий Валентинович не удержался уже от одного серьезного замечания-напутствия в адрес 2-го коалиционного правительства и его главы. Он был искренне озабочен тем, что Керенский «слишком верит в силу слова». Такую веру Плеханов считал излишней роскошью для находящейся в состоянии войны с внешним врагом страны, устойчивости власти в которой, к тому же, постоянно угрожают внутренние враги — контрреволюция справа и анархия слева. Он обращал внимание нового правительства на то, что власть слова прекращается там, где оружие критики уступает свое место критике посредством оружия. «Революция должна решительно, немедленно и беспощадно давить все то, что загораживает ей дорогу, — подчеркивал Г. Плеханов. — Она оказалась бы мертворожденной, она была бы очень скоро побеждена контрреволюцией, если бы не могла справиться с нашей *германофильской* анархией»³⁰.

Со временем деятельность Керенского на посту премьера подвергалась со стороны лидера группы «Единство» все более жесткой критике. Правда, памятуя о том, что причинение всякого ущерба Временному правительству льет воду на мельницу большевиков, Плеханов в течение некоторого времени старался не выносить эту критику на суд общественности. Пример тому — его оценка речей А. Керенского на Государственном совещании в Москве, проходившем в середине августа 1917 г. Вечером в тот день, когда министр-председатель произнес речь о «цветах души», Георгий Валентинович заявил социал-демократу Николаю Валентинову (Вольскому), на квартире которого он остановился на время пребывания в Москве, что никогда не мог предположить, что Керенский захочет поставить себя в такое смешное и жалкое положение. «Слезливый Ламартин был всегда мне противен, — говорил Плеханов, сравнивая российского первого министра с одним из членов Временного правительства Франции в 1848 г., — но Керенский даже не Ламартин, а Ламартинка, он не лицо мужеского пола, а скорее женского... Его речь достойна какой-нибудь Сарры Бернар из Царевококшайска. Керенский — это девица, которая в первую брачную ночь так боится лишиться невинности, что

истерически кричит: мама, не уходи, я боюсь с ним остаться». Однако на вопрос удивленного Валентинова, неужели именно в таком тоне он будет писать статью о Государственном совещании, Г. Плеханов ответил отрицательно. «Всего того, что я о Керенском думаю, я написать не могу, — сказал он. — Пока нет другого правительства, забивать насмерть существующее — значило бы <...> делать дело Ленина»³¹. Так Плеханов и поступил. В статье «Что дало Московское Совещание» из № 123 «Единства» от 24 августа 1917 г. он сконцентрировал внимание на приемлемой для него речи министра-председателя, произнесенной 12 августа на открытии совещания, где, среди прочего, говорилось, что любая попытка посягнуть на власть Временного правительства «будет прекращена железом и кровью»³². Плеханов охарактеризовал данное заявление как «важный результат» Государственного совещания, заметив попутно, что «стране нужна сильная, ни перед чем не останавливающаяся, революционная власть», без которой Россия погибнет³³.

В дни выступления генерала Корнилова руководитель группы «Единство» остался верен себе, оказывая всяческую поддержку законному правительству. «Невозможно никакое сомнение в том, что наша революционная демократия поддержит Временное Правительство в его борьбе с генералом-бунтарем», — писал он в статье «Что делать?» из № 127 «Единства» от 29 августа. Плеханов считал, что, развязав гражданскую войну, «внутренний немец» Корнилов играл на руку «немцу внешнему» — Гинденбургу³⁴, а также рвавшимся к власти большевикам. «Мятеж генерала Корнилова, — подчеркивал он уже в статье «Анархия и контрреволюция» из № 152 «Единства» от 30 сентября 1917 г., — в огромной степени способствовал усилению ленинского большевизма»³⁵. Выход из создавшегося положения он видел в расширении социальной основы власти и создании в лице Временного правительства реальной коалиции, предполагая, что если бы это было сделано раньше, то мятежный генерал не позволил бы себе даже думать о возможности захвата политической власти. «Однако ошибка, сделанная нашим правительством, пока еще не представляется непоправимой, — писал Георгий Валентинович в «Что делать?». — А.Ф. Керенский еще может сделать обязательную для него попытку войти в политическое соглашение с торгово-промышленным классом». Помимо этого, Г. Плеханов настоятельно советовал помнить, что одним из самых убедительных в глазах населения доводов против революционной демократии и поддерживаемого ею Вре-

менного правительства могло бы стать подозрение их в нежелании «вести войну со всей энергией, какая требуется в нашем отчаянном положении». «Этот довод <...> необходимо вырвать из рук противников революции, – писал он 29 августа. – А его нельзя вырвать иначе, как отказавшись от «борьбы за мир» в циммервальдском духе. Мы должны бороться за победу. С циммервальдской утопией наша революционная демократия должна расстаться, по крайней мере, на время. Пусть она верит в ее будущее воскресенье. <...> Но теперь циммервальдская утопия должна быть похоронена, чтобы не погибла Россия, а с нею и русская революция»³⁶.

Однако «циммервальдская утопия» оказалась очень живучей, похоронить ее так и не удалось. По-другому и не могло быть в стране, народ которой давно устал воевать и жаждал только одного – скорейшего заключения мира. В таких условиях утопией было как раз бороться с всеобщим стремлением к немедленному прекращению войны и настойчиво призывать к доведению ее до победы. Но Г. Плеханов старался не сдаваться и, когда была опубликована декларация образованного 25 сентября 1917 г. 3-го коалиционного правительства, гласившая, что оно «будет продолжать <...> внешнюю политику в духе демократических начал <...> стремясь к достижению всеобщего мира, исключая насилия с чьей бы то ни было стороны»³⁷, он уже открыто подверг критике ее содержание. Появление на свет такого документа Плеханов расценил как «капитуляцию всех входящих в коалицию политических партий перед одной из разновидностей циммервальд-контральского анархо-синдикализма»³⁸. Проводя анализ влияния идей Циммервальда и Кинталея на внешнюю политику Временного правительства, он пришел к выводу, что именно циммервальд-контральское направление обусловило собой «хронический правительственный кризис», начавшийся в 20-х числах апреля. Правительство же, переживавшее состояние хронического кризиса, по его убеждению, не могло деятельно оборонять страну. Но главная беда, полагал Георгий Валентинович, была все же в том, что «циммервальд-контральская “война за мир” страшно понизила боеспособность русского войска. Если <...> Сухомлинов оставил русского солдата без снарядов, – писал он в статье «Смотрите, Граждане!» из № 154 «Единства» от 3 октября, – то идея Циммервальд-Кинталея растлила солдатскую душу. Вот почему немецкая армия подвигается вперед». Необходимо заметить, что от статьи Плеханова веет уже ощущением некоей безнадежности, об-

реченности. Чувствуется, что автор писал ее, не имея надежды, что крик его души будет услышан. И не случайно заканчивалась она словами: «Конец приближается»³⁹. Виновниками проникновения циммервальд-контральских идей в политику Временного правительства вообще и 3-й коалиции в частности Г. Плеханов считал «революционно-оборонческое» руководство Исполкома Петросовета во главе с меньшевиком Ираклием Церетели⁴⁰.

Осталось добавить, что именно восприятие уставшими воевать солдатами российской армии идей Циммервальда и Кинталея о необходимости немедленного заключения мира без аннексий и контрибуций как руководства к действию явилось главной причиной того, что оборонческие призывы Плеханова в 1917 г. остались гласом вопиющего в пустыне, а его критика увлечения этими идеями членов Временного правительства не достигла своей, безусловно, благой, цели. Последствия этого были печальными.

Примечания

- ¹ См., напр.: *Тютюкин С.В.* Г.В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 332–333 и др.
- ² Цит. по: Вопросы истории КПСС. 1991. № 8. С. 68.
- ³ «Необходимо противопоставить революционной фразеологии – революционное мировоззрение...»: Из переписки А.И. Любимова и Г.В. Плеханова. 1914–1918 гг. // Исторический архив. 1998. № 3. С. 139.
- ⁴ Министр торговли и промышленности Временного правительства Сергей Прокопович на Государственном совещании в Москве в августе 1917 г. говорил: «Нет ни одной отрасли промышленности, в которой не наблюдалось бы резкое падение производительности труда. Конечно, это падение в значительной мере... обуславливается изношенностью машин, но вместе с тем отчасти это падение обуславливается и ослаблением труда рабочих... Дальнейшее падение производительных сил угрожает гибелью всему государству...» (Цит. по: Драма истории. Публ. А. Крушельницкого // Родина. 1990. № 6. С. 11).
- ⁵ *Дейч Л.Г.* Г.В. Плеханов в России (1917 г.) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 8. С. 57.
- ⁶ *Плеханов Г.В.* Год на Родине. Полное собрание статей и речей 1917–1918 гг.: В 2 т. Т. 1. Париж, 1921. С. 31.
- ⁷ См.: Там же. С. 90; Т. 2. С. 41, 43–44, 130, 143–144, 150 и др.; *Плеханов Г.В.* Открытое письмо к петроградским рабочим // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 5. С. 150.
- ⁸ *Плеханов Г.В.* Год на Родине. Т. 1. С. 81, 82.
- ⁹ См.: Там же. С. 98, 101.
- ¹⁰ Цит. по: *Суханов Н.Н.* Записки о революции: В 3 т. Т. 2. Кн. 3–4. М., 1991. С. 194.

- ¹¹ Подробнее содержание данных приказов см., напр.: *Горинов М.М.* Керенский // Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 145.
- ¹² *Плеханов Г.В.* Год на Родине. Т. 1. С. 138.
- ¹³ *Меньшевики в 1917 году.* В 3 т. Под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. Т. 2. *Меньшевики в 1917 году: от июльских событий до корниловского мятежа.* М., 1995. С. 799.
- ¹⁴ См.: *Плеханов Г.В.* Война и мир. Пг., б. г. С. 16–17.
- ¹⁵ *Плеханов Г.В.* Год на Родине. Т. 1. С. 100.
- ¹⁶ *Суханов Н.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 304.
- ¹⁷ *Плеханов Г.В.* Год на Родине. Т. 1. С. 219–220.
- ¹⁸ Там же. С. 234.
- ¹⁹ *Ипполитов Г.М.* Почему провалилось летнее наступление русской армии на Западном фронте в 1917 г. // Актуальные вопросы российской военной истории: Материалы Двадцать третьей Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 2001. С. 112.
- ²⁰ См.: *Станкевич В.Б.* Воспоминания. 1914–1919; *Ломоносов Ю.В.* Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. М., 1994. С. 81.
- ²¹ См.: *Суханов Н.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 383.
- ²² Цит. по: *Образцов И.* Сила и дух // Родина. 1993. № 8–9. С. 64.
- ²³ *Ипполитов Г.М.* Указ. соч. С. 110.
- ²⁴ См.: *Образцов И.* Указ. соч. С. 65.
- ²⁵ *Станкевич В.Б.* Указ. соч. С. 85.
- ²⁶ *Суханов Н.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 306.
- ²⁷ *Плеханов Г.В.* Год на Родине. Т. 2. С. 28–29.
- ²⁸ Там же. С. 214, 216.
- ²⁹ Там же. С. 20–21, 22.
- ³⁰ Там же. С. 28.
- ³¹ *Валентинов Н.В.* Беседы с Плехановым в августе 1917 г. // *Валентинов Н.В.* Наследники Ленина / Ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. М., 1991. С. 187.
- ³² Цит. по: *Горинов М.М.* Указ. соч. С. 146.
- ³³ См.: *Плеханов Г.В.* Год на Родине. Т. 2. С. 115–116.
- ³⁴ См.: Там же. С. 126, 124.
- ³⁵ Там же. С. 197.
- ³⁶ Там же. С. 126–127.
- ³⁷ Цит. по: Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. М., 1961. С. 234.
- ³⁸ *Плеханов Г.В.* Год на Родине. Т. 2. С. 198.
- ³⁹ Там же. С. 203–205.
- ⁴⁰ См.: Там же. С. 198.

А.А. Данилов ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Проблема интеллигенции провинции с очередной закономерностью вновь возникла на повестке дня в России на рубеже XX и XXI столетий. С гражданских позиций нас волнуют вопросы: что теперь на очереди после распада СССР? Распад России? Вывод очевиден: общество сможет сохранить себя как единое целое лишь в том случае, если интеллигенция, обладающая значительным влиянием на общественное сознание, сделает вывод в пользу партнерства, диалога, терпимости. А «в провинциях-то и живут люди, рассуждающие, серьезно интересующиеся наукой и литературой, с любовью следящие за современным направлением мысли. В провинции-то и развиваются дельные, крепкие люди...», - писал Н.А. Добролюбов¹.

По-настоящему серьезное изучение социокультурной среды российской провинции возобновилось сравнительно недавно, в начале девяностых годов XX века. Результаты десятилетних исследований выглядят, однако, весьма внушительно и многообещающе. Изучение культуры российской провинции к середине 1990-х гг. прошло этап постановки основных проблем, формирования исследовательского поля, определения важнейших направлений и принципов исследований. Дальнейшее развитие

исследовательского пространства было связано с конкретно-историческим изучением российской провинции, что одновременно выявляло новые проблемы и требовало обновления источниковой базы, а также методов исследовательской работы. Во второй половине 1990-х гг. намечается усиление интереса к вопросам методологического характера. Интенсивный поиск первоначально приводит к стремлению историков использовать категории и методы других наук, причем не только гуманитарных (математики, информатики и др.). Утверждение принципа междисциплинарности исследований закономерно вызывает обновление проблематики, расширение проблемного поля, и можно уверенно сказать, что на сегодняшний день историко-культурные исследования интеллигенции провинции прочно заняли свое место в российской гуманитаристике.

В современной исторической науке существуют среди прочих и два таких исследовательских направления, как история российской провинции и история российской интеллигенции. Показателен не только факт появления региональных исследований в рамках этих направлений, но и факт достаточно интенсивной научной коммуникации. Проблемы истории и